

Цуй Мин обомлел, перекошенная улыбка так и застыла у него на губах, отчего вид у него стал одновременно комичным и жутковатым. Глазевшие вокруг зеваки, перепуганные этим грозным выкриком, лишь теперь опомнились, что перед ними всё-таки сын высокого столичного чиновника. Они невольно притихли и стали приседать ниже, прячась за чужими спинами. Однако несколько учащихся и стоявшие чуть отдалить ученики лишь сокрушённо качали головами и поджимали губы: по их мнению, бранить слуг, присланных родителями для наставления, означало проявлять неуважение к стоящим за их спиной старшим.

Но Цуй Се не обращал на остальных никакого внимания. Он сделал шаг вперёд и грозно, во всеуслышание выкрикнул:

— Ты только что прилюдно оклеветал меня, обвинив в несыновнем поведении! Я помнил, что ты старый слуга нашего дома и служил ещё нашим предкам, и из уважения к их памяти не хотел расправляться с тобой при всех. Но не думал, что ты дойдёшь до такого безумия и решишь очернить даже мою мать! Люди, заткните ему рот! Не дайте ему болтать про «господина» и «госпожу», пороча честные и добродетельные имена моих родителей!

Цуй Мин даже представить не мог, что тот способен столь бесстыдно перевернуть всё с ног на голову, и ошеломлённо уставился на него, не в силах вымолвить ни слова.

Пэн Янь сориентировался мгновенно: подскочил и от души отвесил ему звонкую пощёчину. Цуй Юань тоже бросился вперёд, чтобы скрутить слугу, опасаясь, как бы тот в ярости не набросился на его сына или молодого хозяина.

У старого юаньвая Чжао от такого зрелища заколотилось сердце, и он торопливо отдавал приказания:

— Чжао Куй, Чжао Шэн, живо защитите брата Сяо Се, не дайте этим двоим ранить его!

Кучер из семьи Цуй только сейчас пришёл в себя и поспешно вылез из экипажа, собираясь помочь второму управляющему. Но Цуй Се сделал шаг ему навстречу, холодно взглянул на него и спросил:

— Ты тоже возомнил, будто слуга может перечить хозяину?

Кучера наняли со стороны — он не был урождённым слугой семьи Цуй и тем более доверенным лицом госпожи Сюй, так что уверенности Цуй Мина у него не водилось. Поразмыслив, он лишь низко поклонился, сложив руки в приветствии, и стал умолять:

— Старший молодой господин, сжальтесь! Мы ведь лишь исполняли приказ хозяина и везли вещи, а второй управляющий просто в дороге подхватил лихорадку, вот и заговаривается...

Ха-ха, в дороге подхватил лихорадку? Он что, до своего переселения во времени «Речные заводы» не читал?

Называть болезнь «горячкой» в династию Мин — это всё равно что для современного убийцы заявить о внезапном психическом расстройстве: обычная отговорка, выдуманная для избежания наказания.

Он мысленно усмехнулся, поклонился обоим слугам юаньвая Чжао и произнёс:

— Дядюшки, будьте добры, свяжите верёвкой того, что в шелковом халате, разгрузите подводу и откройте всё — давайте вместе посмотрим, что там внутри.

Голос Цуй Мина взвился до визга, он в ужасе закричал:

— Ты смеешь учинять самоуправство! Я... я хоть и записан в слуги, но у тебя тоже нет учёной степени! Если ты меня изобьёшь, господин не станет тебя покрывать, ммм-mmm...

Не успел он разбушеваться сильнее, как сообразительный Пэн Янь заткнул ему рот платком и вместе с отцом скрутил его. Слуги семьи Чжао ещё колебались, но юаньвай Чжао решительно кивнул им:

— Вяжите! В крайнем случае возьмём визитную карточку Инши и сходим в ямен, господин уездный начальник тоже отдаст уважение моему стариковскому слову.

Его младший внук хотел было что-то возразить, но старик отвернулся и больше не смотрел на него.

Не только слуги семьи Чжао, но и несколько зевак — всего человек пять-шесть — дружно взялись за дело и скрутили Цуй Мина. Кучер испуганно попытался сбежать, но толпа вокруг всё прибывала. Он ринулся в гущу людей, но пробиться не смог, а вместо этого получил в чехарде пару ударов кулаком и повалился на землю, не в силах подняться.

Несколько человек из толпы сами поднялись на повозку, сгрузили узлы, развязали их и разложили всё прямо на открытом месте.

Цуй Се отвесил поклон на все четыре стороны, благодаря всех за помощь, подошёл к узлам, порылся в них и поднял единственный связок медных монет.

Он повернулся к Цуй Мину и спросил:

— Это содержание на месяц, которое отправила госпожа Сюй?

Цуй Мин лишь промычал что-то невнятное.

Цуй Се нетерпеливо бросил:

— Да или нет? Если да — кивай, если нет — качай головой, нечего разводить болтовню. Все свои речи побереги для уездного ямена, расскажешь почтенному уездному начальнику.

Цуй Мин отчаянно затряс головой, долго замычал, чуть не плача. Цуй Се переспросил, их ли это деньги на содержание, и на этот раз тот не посмел увиливать и покорно кивнул.

Цуй Се взглянул на Пэн Яня. И без лишних слов Пэн Янь забрал связку монет, уставился на Цуй Мина и громко проговорил:

— Старшему молодому господину полагается два лян серебра в месяц, слуге — пятьсот монет, а моему отцу — один лян и пять цянпей. А здесь всего лишь полгуаня, ровно на моё содержание за месяц! А моё с отцом ты всё...

— Вот именно, содержание, которое велела передать матушка, украл этот домашний вор, — перебил его Цуй Се, не дав Пэн Яню произнести слово «утаил». Затем он поднял с земли две холщовые одежды, встряхнул их перед Цуй Мином и спросил: — Это ты тоже привёз из дома? И это всё?

Цуй Мин не посмел больше кивать и снова замотал головой, жалобно мыча.

Цуй Се с усмешкой произнёс:

— То-то и оно. Ещё до моего отъезда из столицы дома шили осенние наряды. Отчего же привезли лишь несколько сорочек из грубого холста? Должно быть, мои вещи ты тоже припрятал и присвоил себе!

«Не я! Это не я! Как ты, хозяин, можешь клеветать на нас, слуг!»

Цуй Мин отчаянно вырывался, пытаясь вытащить изо рта платок, но его крепко держал Цуй Юань, не спускавший с него глаз. Двое слуг семьи Чжао и прохожие из толпы с отвращением сплюнули и принялись бранить его:

— Бессовестная тварь! Обкрадывал хозяйское добро, да ещё смеет валить с больной головы на здоровую и обвинять хозяина в несправедливости! Не то что у чиновников, даже у нас, простых людей, не сыщешь экого алчного и злобного слуги. Такого только в уездное управление вести, содрать одежду да накормить палками!

Цуй Се спокойно велел продолжать досмотр.

Полагавшиеся им рис, овощи и мясо — поскольку он находился в родных краях — следовало выдать серебром, но денег не оказалось. Привезённые снадобья, якобы предназначенные для укрепления здоровья и восполнения сил, при встряхивании рассыпались трухой и пахли сыростью и плесенью. Что до письменных принадлежностей: кисти оказались двумя дешёвыми кисточками из кроличьего волоса, бумага — стопой мягкой желтоватой бамбуковой бумаги, а тушь — дешёвой сажевой тушью стоимостью в два фэня за брусок, какую в приличных лавках даже счетоводам не дадут.

Пэн Янь по порядку перечислял всё, что им полагалось получать в усадьбе, и ни одна вещь не соответствовала норме.

Эти вещи вполне могли быть выделены родителями семьи Цуй, а злые слова — сказаны по наущению госпожи Сюй. Слуги лишь исполняли чужую волю, будучи не подвластны сами себе. Но этого вынужденного представления было вполне достаточно, чтобы полностью очернить Цуй Се и навсегда лишить его возможности сделать чиновничью карьеру.

На этой улице снимали жильё больше десяти семей учёных мужей, а некоторые из них уже обладали учёной степенью. Вместе со своими родственниками, друзьями и сокурсниками они обладали огромным влиянием, способным охватить все образованные круги уезда и даже повлиять на мнение уездного учителя и самого начальника уезда. Цуй Мин и второй слуга сразу по прибытии в родовое поместье подняли шум у ворот и во всеуслышание обвинили его в несыновней почтительности и неуважении к братьям — всё это предназначалось именно для ушей этих учёных.

Непочтителен к родителям, избивает братьев, лжёт на каждом шагу... Каждое из этих обвинений было смертельным. Если не разрешить всё прямо сегодня на месте и позволить им уйти, облив его грязью, за ним в уезде Цяньань среди учёных закрепится дурная слава, от которой вовек не отмыться!

А в эпоху Мин перед входом в экзаменационную службу каждый кандидат обязан был предоставить поручительство пяти туншэнов или одного линьшэна из уездной школы, иначе его просто не допустят к испытаниям. Имея за спиной подобные обвинения, когда каждый на него указывает пальцем, он не сможет найти поручителя: даже если бы он захотел заплатить линьшэну, никто не стал бы рисковать собственной репутацией ради него.

Его семейная запись числилась в Цяньане, и сам он находился здесь, так что вернуться в столицу и сдавать экзамены под чужим именем он не мог. А право привилегированного поступления, полагавшееся Цуй Цюэ, уже отдали Цуй Хэну, и семья не стала бы платить за него. Так что сдавать сянши вплотную, минуя уездный экзамен, он не мог.

Таким образом, его путь к государственной службе оказался бы полностью отрезан.

Достоинство уроженки благородного рода, ставшей хозяйкой чиновничьего дома, — один удар, и у человека не остаётся ни единого шанса подняться.

Но когда Цуй Се велел разложить эти нищенские и ветхие пожитки перед всеми и приказал Пэн Яню огласить их настоящую норму, толпа, увидав разительную разницу, пришла в негодование. Кто-то из толпы даже закричал:

— Молодой господин, скорее забей насмерть этих злодеев-слуг, обкрадывавших своего хозяина, а мы готовы пойти в суд и дать показания в твою пользу!

Неприязнь нескольких учёных на улице незаметно сместилась на Цуй Мина. Они решили, что все недавние обвинения он придумал нарочно, желая утаить имущество и очернить имя хозяина, чтобы молодой господин не посмел поднять шум.

Цуй Се, видя реакцию толпы, лишь мысленно про себя усмехнулся.

Цуй Мин полагал, что тот лишь впавший в немилость молодой господин, а сам он прибыл по наказу госпожи Сюй, а значит, может обделять и третировать его как душе угодно. Но стоило лишить его прикрытия именем госпожи Сюй, как все его действия превращались в самоуправство слуги над хозяином и кражу домашнего имущества. А за такое в уездном ямене полагалась жестокая кара — порка палками и ссылка.

<http://bllate.org/book/18372/1761245>